

Она столкнулась со мной на кухне. "Где они?" - спросила она с суровым лицом, сложив руки.

Один взгляд сказал мне, что она сердится.

Внутри меня зашевелилось жирное предчувствие - я пожадничала, продержала их на день дольше, чем следовало. Теперь меня поймали.

"Что?" сказала я в ответ, но даже когда я пыталась блефовать, я знала, что бабушка этого так не оставит. "Где что, бабушка?"

"Ты прекрасно знаешь, что, Роберт", - огрызнулась она. Она знала, что я сделал это, конечно, она знала, она могла видеть вину в моих горящих щеках и меняющихся глазах. "В доме уже несколько дней никого не было. Элейн была в отпуске целую неделю; единственный человек, который приходил сюда, это ты. Я знаю, что они были там во вторник...". Моя бабушка подняла руки вверх и посмотрела на меня одним из своих бескомпромиссных выражений. Проработав учителем более тридцати лет, она владела этим взглядом в совершенстве. "Сегодня суббота, Роберт, и если только кто-то не вломился в дом и не взял их, специально нацелившись на них, единственный возможный виновник - это ты". Бабушка ткнула пальцем в мою сторону.

Это был один из тех моментов унижения, когда хочется, чтобы земля разверзлась.

Что заставило меня взять их? Почему я просто не посмотрела и не положила их обратно? Я собирался вернуть их сразу после того, как взял, но не успел. Какой идиот, полный и абсолютный кретин. Я должен был знать лучше, чем думать, что бабушка не станет со мной спорить; она не из тех, кто пропустит такой большой проступок мимо ушей, не высказавшись - даже если это будет очень неловко для нас обоих.

Глядя в пол, с горящими щеками, я пробормотала: "Они дома, в моей сумке, я собиралась положить их обратно. Честно".

"Садись", - приказала бабушка после нескольких минут молчания. Все еще избегая ее взгляда, я передвинула стул с лестничной спинкой по камням пола кухни и села, опираясь локтями на стол для переговоров. Она засыпала меня вопросами. "Зачем ты их взял, Роберт? И что ты делал, чтобы найти их? Они ведь не были где-то, где любой мог просто наткнуться на них? Ты должен был искать, должен был подглядывать".

"Мне очень жаль, бабушка", - пробормотала я, положив подбородок на грудь.

В том, как она произнесла это слово - "шпионить", - я слышала презрение, сквозившее в каждом слого. Я всегда была любопытной, пытливей, а может быть, просто откровенно любопытной. Я не мог устоять перед искушением заглянуть в интимные уголки личных вещей моей бабушки, когда ее не было дома, я должен был устанавливать спутниковую антенну в ее доме, но решил заглянуть туда, пока была такая возможность. Нахождение в ее спальне, когда мне не следовало этого делать, доставляло мне удовольствие; я получал острые ощущения от

возможности, пусть и отдаленной, быть пойманным. Не знаю, что я ожидал найти, но наткнуться на пару десятков грязных фотографий мне точно не приходило в голову.

Сначала я не могла поверить своим глазам: моя бабушка обычно чопорная и правильная, не ханжа - что доказывали фотографии, - но для меня она всегда казалась прямолинейной; она даже хмурилась, если я произносила слово "дерьмо" в ее присутствии. Поначалу я недоумевал, зачем бабушке тайник с обнаженными фотографиями, что она может получить от созерцания обнаженной женщины? А потом, когда во мне проснулась потребность потрогать себя, я поняла, что объектом на фотографиях была она - девушка на фотографиях была моей собственной бабушкой!

Сейчас бабушка все еще в хорошей форме. Ей пятьдесят семь, и я знаю это, потому что ей было девятнадцать, когда она родила мою мать, а моей матери было девятнадцать, когда она родила меня, и поскольку мне сейчас девятнадцать...

Бабушка повзрослела изящно, элегантно, как и подобает кинозвезде, в стиле Хелен Миррен, и теперь, узнав ее, я совершенно ясно увидела, что девушка на фотографиях - это она. Пролистывая стопку фотографий, я слышал собственное затрудненное дыхание, я был так возбужден своим открытием, что в тот момент не обратил внимания на то, что это мать моей матери, из-за которой я так возбудился; все, что я знал, это то, что у меня был железный член, и мне нужно было его достать.

Я сделал две фотографии и бросился в ванную. Затем, положив фотографии на пол перед собой, я встал на колени и расстегнул джинсы.

"Сексуально", - хрюкнул я, сильно натягивая свой член, приковав взгляд к большой груди моей бабушки и пучку ее лобкового куста, когда она позировала с широко расставленными ногами на какой-то древней кровати. "Чертовски сексуально", - стонал я, продолжая сильно дергать. Когда я кончил, из меня хлынула струя, мне каким-то образом удалось поймать большую ее часть в пачку туалетной ткани, которую я держал под рукой исключительно для этой цели.

Затем, немного подтеревшись, я бросил комок промокшей ткани в унитаз и смыл улики. Меня охватило какое-то безумие, и вместо того, чтобы охладить мой пыл, мой оргазм только разжег пламя похоти, и тогда я принял безумное решение забрать фотографии с собой. У меня была какая-то безумная идея, противоречащая здравому смыслу, скопировать фотографии на компьютерный сканер дома, а затем заменить их в чемодане.

Но этого не произошло, и теперь возмущенная жертва прямо обвинила меня.

"Зачем ты их взяла?" - спросила моя бабушка, ее тон немного смягчился. "Какого черта ты..." Она сделала паузу, поднесла руку ко рту. "Боже мой!" - воскликнула она. "Ты никому их не показывал, да? Боже мой, Роберт, скажи мне, что больше никто их не видел".

"Нет!" промолвил я и наконец осмелился посмотреть ей в лицо. "Я клянусь, бабушка, никто больше не знает о них. Только я. Я никому их не показывала".

"О, слава Богу", - вздохнула моя бабушка. "Это хорошие новости. О боже, я не знаю, что я буду делать, если кто-нибудь еще увидит их. Мне нужно выпить".

Она отодвинула стул от стола и подошла к холодильнику. Бабушка налила джин в два стакана, добавила лед и, влив в каждый по стакану тоника, протянула один мне.

Я не люблю джин, но все равно потягивала свой напиток.

"Так зачем вы сделали фотографии, Роберт?" - снова спросила она. Когда я несколько раз моргнул и посмотрел на стол, думаю, она поняла, что к чему. "Ты...?" - задыхалась она. "Ты имеешь в виду, что ты посмотрел на них и ...?"

"Мне жаль", - пробормотал я. "Я не могу это объяснить. Мне так стыдно. Но... но ты была такой красивой, бабушка. То есть, ты и сейчас такая, но... но... девушка на фотографиях..."

"Тебе не следовало этого делать, Роберт", - мягко наставляла моя бабушка. "Тебе вообще не следовало находиться в моей спальне, но делать это, глядя на мои фотографии..." Она печально покачала головой. "Я твоя бабушка, Роберт. Ты не должен думать обо мне таким образом".

"Я знаю, бабушка", - ответил я, мой голос был жалким хныканьем. "Мне так жаль".

"Так ты все время говоришь", - отрывисто ответила женщина. "Ты сожалеешь, да, я знаю. А теперь, где мои фотографии? Я хочу вернуть свою собственность, Роберт".

"Я же сказал тебе, бабушка, они в моей сумке, дома".

Наш дом находится в паре миль от дома моей бабушки. Мы живем в новостройке недалеко от центра города, а бабушкин дом - это тот же большой отдельно стоящий дом, в котором выросли моя мать и ее сестра. Бабушка живет в доме одна, мой дедушка сбежал с другой учительницей в тот же год, когда я родилась. Я приезжаю к ней пару раз в неделю, чтобы провести общий ремонт, который необходимо сделать, или выполнить пару поручений. Другой постоянный посетитель бабушки - Элейн, ее коллега, которая живет всего в двух домах по соседству.

"Хорошо, не могли бы вы привезти их как можно скорее? Сегодня или завтра, самое позднее".

Я кивнула и осушила остаток джина. "Завтра, бабушка", - согласился я, а затем добавил: "Мне лучше закончить с этим водостоком". Я оставил бабушку сидеть за столом со своими мыслями.

Вернувшись домой, я разложил фотографии на кровати и, не в силах сопротивляться желанию, оторвался от них, глядя на них снова. Боже, а ведь моя бабушка была горячей штучкой, когда

была моложе. Я натянул член и уставился на ее лицо, когда она так уверенно улыбалась в камеру. Мне стало интересно, кто сделал эти снимки - дедушка или кто-то другой? И что произошло сразу после этого? Раздвинула ли моя бабушка ноги и выставила себя напоказ фотографу? Предложила ли она свою пизду тому, кто делал фотографии? Я мог представить, как она это делает, просит, чтобы ей полизали или трахнули; я слышал ее голос в своей голове, и вульгарность слов из чистого бабушкиного рта возбуждала меня.

"Ты сексуальная старая сука", - задыхалась я, когда из меня вытекала слеза. "Как бы я хотела сфотографировать тебя сейчас. Я бы сосала твои сиськи и лизала твою киску, пока ты не умоляла бы меня вставить в тебя свой член".

Но когда моя кипящая похоть остыла, мне стало так стыдно за эти мысли и слова. Что, черт возьми, со мной было не так? Плотские мысли о пятидесятилетней женщине были достаточно плохи, но моя собственная бабушка...? Неужели я был больным, каким-то извращенцем?

Тем не менее, на следующее утро, несмотря на отвращение к себе, я все же скопировал изображения, чтобы иметь постоянное воспоминание для мастурбации после того, как верну оригиналы.

"Ты принесла их?" спросила бабушка, как только я ступила на кухню.

Я кивнула и опустила рюкзак на кухонный стол. "Здесь", - сказала я.

Бабушка потянулась к сумке и расстегнула молнию. Она вытащила из него объемный конверт и заглянула внутрь. Затем, к моему удивлению, она выложила на стол фотографии.

Выбрав одну наугад, бабушка несколько секунд изучала изображение. "В свое время я была красавицей", - пробормотала она. Затем, переведя взгляд на меня, глядя поверх ободка очков, она добавила: "Разве ты так не думаешь, Роберт? Разве я не была красавицей?"

<http://erolate.com/book/2305/59907>